

«ПАПА НАМ РАССКАЗЫВАЛ...». СКАЗКИ В РЕПЕРТУАРЕ МАРФЫ ЗАЙЦЕВОЙ С ФАЗЕНДЫ САНТА-КРУС

ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

(Государственный республиканский центр русского фольклора: 119034,
Российская Федерация, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6)

***Аннотация.** Материалы последних лет позволяют говорить о том, что появилась группа людей, для которых сказочный текст стал средством для рефлексии о прошлом семьи, о роли традиции в жизни человека и общества, а в некоторых случаях — и своеобразной связью с родиной. Статья посвящена месту и роли сказок в репертуаре Марфы Федоровны Зайцевой, принадлежащей к общине староверов-часовенных. В настоящее время она вместе с мужем и многочисленными детьми и внуками проживает в Аргентине. Сказки она знает от своего отца, но не рассказывает их маленьким детям, и они не задействованы в ее активном репертуаре. Рассказывая сказки собирателю, она не столько пересказывает их, сколько говорит о своей реакции на сказочные тексты, услышанные от отца в детстве, делится отношением к ним. Эмоциональное отношение к сюжету, страх и веселье, вызываемые именно этими двумя сказками отца, видимо, и позволили не просто запомнить тексты, но и зафиксировать в памяти профессиональные приемы, присущие мастеру-сказочнику. Сказки стали своеобразным механизмом рефлексии, позволяющим вспомнить прошлое, традиции семьи, любимого отца и т. д. Марфа Федоровна может не просто передать сюжет, но и исполнить текст очень артистично, сохраняя детали и приемы, которые, скорее всего, использовал ее отец, рассказывая по вечерам сказки своим маленьким дочерям.*

***Ключевые слова:** старообрядцы, сказка, сказочник, семейные традиции.*

В настоящее время исследователи сказочных традиций всё чаще пишут о том, что записи последних десятилетий свидетельствуют не только о разрушении, но и об изменении сказочной традиции. Так, Б. П. Кербелите считает, что записи последних 30 лет нельзя рассматривать в контексте общесказочного репертуара и включать в указатель сказочных типов, так как среди этих материалов «резко увеличилось число пересказов прочитанных книг... и весьма разрушенных вариантов» [Кербелите 2005, 10]. Исследователи отмечают, что в современных записях наблюдается «бытовизация» волшебной сказки,

исчезновение фантастических элементов, увеличение числа бытовых деталей [Никифоров 1930, 54; Померанцева 1988, 234; Ведерникова 1998, 22; Добровольская 2008; Добровольская 2017а]. Параллельно с этим идет «новеллизация» сказки, появляются психологические мотивировки действий персонажей, подробные описания, несвойственные данному жанру [Власова, Жекулина 2001, 18; Добровольская 2015; Добровольская 2017а]. Наконец, в последнее время наблюдается неустойчивость и изменение межжанровых границ, о которых писал Е. А. Костюхин [Костюхин 1997, 17]. Сказка активно взаимодейству-

ет с жанрами несказочной прозы, прежде всего с быличками и этиологическими легендами [Рафаева 2005; Белова, Кабакова 2014; Добровольская 2015а; Добровольская 2015б; Добровольская 2016; Добровольская 2017б; Добровольская 2016а].

Безусловно, все эти процессы происходят в настоящее время с традиционной сказкой. Однако мы не будем столь категоричны, как Б. П. Кербелите. С нашей точки зрения, русская волшебная сказка довольно давно, уже с конца XIX в., активно использует литературные сюжеты. Более того, уместно вспомнить, что целый ряд сказок, входящих в ядро русского сказочного репертуара, имеют литературное происхождение. На творческое наследие ряда сказочников, например И. Ф. Ковалева и Е. И. Сороковикова, повлияли именно книги. А в репертуаре выдающегося сказочника Ф. П. Свиньина, помимо классических фольклорных сюжетов, есть тексты «Всадник без головы», «Красный капитан и черный Том». Как отметила Э. В. Померанцева, «...излишняя “литературность” стилия приводит к порче и распаду сказочной традиции» [Померанцева 1988, 243]. Но, говоря о затухании этой традиции, об эпигонстве в творчестве сказочников-профессионалов, мы забываем о том, что, помимо них, мы записываем тексты и от людей, которых принято называть «передатчиками», т. е. тех, в чьем репертуаре лишь несколько сказок и для кого данные тексты являются случайными.

И если раньше, рассматривая репертуар сказочников-передатчиков, мы говорили о схематичной передаче сюжета и плохом владении традицией, то в настоящее время ситуация изменилась. Безусловно, большинство подобных «случайных» сказочников передают лишь схему сюжета. Это преимущественно женщины, рассказывающие сказки внукам. Они могли бы их почитать и тем самым занять ребенка, но у них много домашних дел, они не могут отвлечься, а чтобы маленькие дети не оставались без надзора, они рассказывают им сказки во время домашних работ.

Обычно это сказки о животных или короткие волшебные сказки.

Однако материалы последних лет позволяют говорить о том, что появилась целая группа людей, для которых сказочный текст стал средством для рефлексии о прошлом семьи, о роли традиции в жизни человека и общества, а в некоторых случаях — и своеобразной связью с родиной.

Одним из таких случаев являются сказки, записанные от Марфы Федоровны Зайцевой¹.

Марфа Федоровна попала в поле зрения исследователей старообрядческой традиции во время их работы с общинами старообрядцев Южной Америки. В составе комплексных экспедиций Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН с ней работали лингвисты, прежде всего О. Г. Ровнова, а также специалисты-этномузыкологи, занимающиеся изучением музыкальной культуры в поселениях староверов-часовенных Латинской Америки.

От детей Марфы Федоровны, Елены и Лариона, а также от ее мужа сказки записывала Е. А. Самоделова. От дочери она записала три текста, от сына — два, от мужа — один. Дочь и сын Марфы Федоровны на вопрос Елены Александровны об источнике сказок сказали, что знают их от отца. Данила Терентьевич Зайцев на этот же вопрос ответил, что знает сказку про Беззаботный монастырь (СУС 922) от Федоса Тимофеевича Рефктова [Самоделова 2013, 179–183], однако в своей книге он приводит полный текст этой сказки и говорит, что узнал ее от своего тестя, отца Марфы Федоровны Федора Савельевича Килина [Зайцев 2015, 64–68]. Необходимо отметить, что два текста «Медведь на липовой ноге» (СУС 161А') и «Волк и семеро козлят» (СУС 123) рассказала нам и Марфа Федоровна, но ее дети рассказывают сказки, соблюдая сказочный канон, и от начала до конца повествования следуют сказочному сюжету. Марфа Федоровна рассказывает сказки иначе. Более того, ее дети легко рассказали сказку «Про Машу и Сашу» (СУС 480), сюжет которой их мать вспомнить не смогла.

¹ Сказки были записаны мной от Марфы Федоровны случайно. Она с мужем приехала из Бразилии к родственникам, и этномузыкологи Центра русского фольклора записывали от них образцы церковного богослужебного пения, хороводные и игровые песни, свадебный обряд и т. п. Во время перерыва Марфа Федоровна начала вспоминать свое детство и рассказала несколько потешек и пестушек, а также две сказки.

М. Ф. Зайцева. Фото из архива Государственного центра русского фольклора, 2015 г.

M. F. Zaytseva. Photo from the scholarly archive of the State Center of Russian Folklore. 2015

Марфа Федоровна родилась в 1958 г. на fazенде Санта-Крус, штат Парана, Бразилия. У ее родителей, Федора Савельевича Килина и Татьяны Ивановны Матюшиной, не было сыновей, и Марфа, будучи старшей дочерью, как пишет в своей «повести и житии» ее муж Данила Терентьевич Зайцев, «работала как за сына и за дочь» [Зайцев 2015, 109]. Данила Терентьевич обратил на нее внимание, потому что она была «красива, бойка, шустрa, весёла, песельница, да и слух у нее хороший», а присмотревшись к девушке, он понял, что она еще и очень трудолюбива: «Везде успевала: на пашне, дома, да и сама быстрая вышивальщица, вышиванием обогородила всю отсовску землю...» [Там же, 93]. Муж относится к Марфе Федоровне очень трепетно и, хотя старается казаться строгим, любя, называет жену «дика козулька» [Там же, 95].

Марфа Федоровна происходит из семьи староверов-часовенных, которые после установления советской власти на Дальнем Востоке переселились в Китай, а затем семьи переехали в Бразилию, где родители Марфы и поженились, потом уехали в Уругвай, где и встретил Марфу Данила Терентьевич.

В семье Зайцевых одиннадцать детей и пятнадцать внуков. Они долго искали место для «счастливой жизни».

Странствовали по Южной Америке и даже пытались в начале 2000-х гг. начать новую жизнь в Приморье, но жизнь в России не задалась, и семья вернулась в Аргентину, где и живет в настоящее время.

Отец Марфы Федор Савельевич Килин был, как пишет его зять, «...хороший рассказчик, умел хорошо рассказывать истории — про Ермака, Александра Невского, Дмитрия Донского, Евпатия Коловрата, Чингиз-хана, Бату-хана, Мамай-хана, Рюрика, Владимира крестившу Русь, Ольгу, русских князей и царей. У тестя была хорошая память, рассказывал медленно, но красиво» [Там же, 119–120].

Марфа Федоровна в разговоре упомянула, что ее отец практически каждый вечер перед сном рассказывал своим дочерям сказки: «У нас вот тятя рассказывал. <...> Мы маленькие были, нас трое было, все девочки были. Мама там готовит или покушаем и идем спать. А мы говорим:

— Тятя нам сказки рассказывает.

Он пойдет — рассказывает одно, другое. С поменьше сестренкой ляжет и начинает рассказывать» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Марфа Федоровна вспомнила о сказках, говоря о своем детстве. Сказки рассказывал ей только отец, которого она очень любила, и, говоря о семейных «сказочных

вечерах», она не столько пересказывает сказки, сколько говорит о своей реакции на них, делится отношением к этим текстам. Ее отец рассказывал много сказок, они были разные², и, судя по всему, среди них были не только сказки, но и другие повествовательные жанры. Однако Марфа Федоровна их не помнит, а вспоминает только два сказочных текста, которые она больше всего любила в детстве.

Казалось бы, будучи многодетной матерью и бабушкой многочисленных внуков, она должна развлекать маленьких детишек и сказки, наряду с жанрами детского фольклора, должны быть востребованы исполнительницей. Но оказалось, что это не совсем верно. Репертуар М. Ф. Зайцевой, связанный с детской тематикой, весьма незначительный и довольно традиционный, хотя и не лишенный определенной изысканности. Она вспомнила прекрасные варианты пестушек, потешек, показала, как играла с детьми в «сороку», и исполнила довольно развернутый и необычный вариант потешки:

Сорока-белобока
 Ходила по воду,
 Гостей звала.
 Этому ложечки,
 Этому поварешечки,
 Этому чашечки,
 Этому кошолочки.
 Этому ничего не досталось.
 Ходит-бродит,
 Баню топит.
 Тут холодная вода,
 Тут горячая вода,
 Тут теплая вода,
 А тут — шекочу-шекочу!

Рябятишкам тут шибко нравится [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Когда Марфе Федоровне был задан вопрос, рассказывает ли она сказки своим детям и внукам, то она ответила, что сказки детям не рассказывает, в значительной степени потому, что, несмотря на все ограничения, накладываемые верой, дети так или иначе сталкиваются с массовой

культурой в виде детских книг и мультфильмов. По ее мнению, есть целый спектр развлечений, поставляемых общественными инфраструктурами (детским садом, школой, внешкольными учреждениями), и, хотя старообрядцы стараются минимально с ними взаимодействовать, младшие члены семьи в возрасте, когда есть желание слушать сказки, оказываются в сфере влияния этих общественных структур. Поэтому необходимости в рассказывании сказок внутри семьи у нее нет.

В то же время Марфа Федоровна прекрасно помнит, как она любила слушать отцовские сказки, но рассказать смогла только две — видимо, именно они произвели на нее в детстве самое сильное впечатление. Она попыталась воспроизвести еще один текст — «О мачехе и падчерице» (СУС 480), но не смогла вспомнить сюжет. Также в разговоре она упомянула, что отец рассказывал про Лутоню (СУС 327 С, F), но о сюжете сообщила только, что это про маленького мальчика и ведьму.

Казалось бы, перед нами простой сказочник-передатчик: человек рассказывает текст, который он слышал в детстве и который сам не воспроизводит, так как в нем нет необходимости. Однако ситуация оказалась несколько иной.

Сказок она рассказала две: «Медведь на липовой ноге» (СУС 161А* «Медведь на липовой ноге») и «Волк и семеро козлят» (СУС 123 «Волк и козлята»). Обе относятся к сказкам о животных. И они обычно входят именно в тот репертуар, который рассказывают маленьким детям, потому что просты по сюжету, включают повторяющиеся эпизоды и обилие диалогов. В обеих сказках имеют место песенные вставки.

Сюжетный тип СУС 161А* Марфа Федоровна начинает с развернутого вступления: «Жили-были старик со старухой, и у них... него было нечего-нечего есть. И вот пошел старик и поставил капкан на медведя. И медведь попал в капкан и оторвал ногу и ушел. Старик взял эту ногу и принес.

² К сожалению, она не смогла вспомнить сюжеты, а названия не могут быть достоверным указанием на тот или иной сюжетный тип. Помимо рассматриваемых в данной статье сказок, с уверенностью можно говорить о том, что отец Марфы Федоровны рассказывал еще сказку «Мачеха и падчерица» (СУС 480) и «Лутонюшка» (СУС 327 С, F). В репертуаре отца исполнительницы было не менее 15 сказок, а, судя по воспоминаниям зятя, он прекрасно владел и жанрами исторической прозы.

— Вот, старуха, я допычу... Вари, — говорит, — суп.

Она всё наладила, поставила суп варить» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Подобный тип вступления для данной сказки весьма традиционен, и Марфа Федоровна рассказывает его спокойно, очень последовательно, отмечая такие детали, как причину поступка старика («у них... него было нечего-ничего есть»), освобождение медведя из капкана («оторвал ногу и ушел») и требование варить из медвежьей лапы именно суп.

Продолжая сказку, Марфа Федоровна рассказывает, как медведь сделал у кузнеца деревянную ногу и отправился к своим обидчикам, напевая песню:

Скрипу-скрипу, нога,
Скрипи, липовая!
Все поселки спят,
Вся деревня спит.
Один дедушка не спит,
Одна бабушка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Неупряживает,
Мое мяско варит,
Не уваривает.

Сказку она рассказывала обычным тембром, таким же, как рассказывала о своем детстве, но песенку медведя исполнила низким голосом, про который вполне можно сказать «зловещий».

Дважды старики сомневаются, что слышат песню, а на третий раз принимают решение спрятаться:

«— Давай, — говорит, — скорей спрятаемся.

— Куда?

— Садись скорей в корзинку, я тебя к потолку привяжу, а сам на палатка, — говорит.

Она села, он привязал ее там веревками. Сам на палатка забрался. Сидит дед.

А медведь уже подходит к дверям и опять поет...» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Марфа Федоровна прекрасно рассказывала сказку, и в какой-то момент показалось, что она лукавила, говоря, что не рассказывает сказок детям. Казалось, что сказочница пользуется хорошо отработанным и многократно повторяемым материалом. Однако, дойдя до кульминации сказки,

Марфа Федоровна углубилась в свои воспоминания о том, какова была ее реакция на сказку в детстве. И в результате этого финал сказки о медведе на липовой ноге превратился в схематичный пересказ: «Как по двери даст! Как ухнет! Они упадут, — говорит. Войдет, суп этот свалит, ногу эту съест и обозлится, что нога-то сварилась. И пойдет искать. На палатка залезет — старика съест, а старуха так напугается, будет в корзинке сидеть и упадет — и он ее съест, — говорит» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)]. Весь этот пересказ сопровождается смехом над детским страхом, описанием детского ужаса: «мы прижмемся друг к дружке», «дрожим», «нам страшно», «вот какая страшная сказка» и т. д. Рассказчица отметила, что вообще-то они с сестрами боялись этой сказки, но папа всегда очень интересно рассказывал на разные голоса, и поэтому она запомнила.

Это можно было бы рассматривать как единичный случай, но другую сказку Марфа Федоровна рассказывает точно так же. Сначала очень подробно, разговаривая на разные голоса, рассказала о судьбе козы и козлят: «Жила-была козлуха с козляточками. Вот она домик построила, а сама на поле уходила, пастися. А они сидят дома, играют, скачут.

— Вы только никому только дверь не открывайте!» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Потом исполнила песенку козы, причем, в отличие от многих сказочников, спела ее обычным голосом, не пытаясь использовать более тонкий:

Козляточки-мяляточки,
Ваша мать пришла,
Молоко принесла.
Молочкё бежит
По копыточкам

[АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Довольно подробно рассказала о происках волка, спела за него низким голосом песенку. Затем тонким голосом поговорила за козлят и обычным — за козу.

В большинстве вариантов этой сказки волк идет к кузнецу перековывать голос, а у Марфы Федоровны волк обращается со своей просьбой к медведю: «Пойди к медведю и подкую язык». Затем она рассказывает, как волк спел песню тонким

Марфа и Данила Зайцевы. Фото из архива Государственного центра русского фольклора, 2015 г.
Marfa and Danila Zaitsevs. Photo from the scholarly archive of the State Center of Russian Folklore. 2015

голосом, как козлята открыли ему дверь, как он их съел. Добавляется и более свойственная книжной, а не устной версии деталь: «а один <козленок> запрятался в печке и остался».

После этого Марфа Федоровна начинает смеяться и сквозь смех рассказывает, как коза решила наказать волка, вырыла яму, разожгла в ней огонь и пошла звать волка париться в бане:

— Кум-куманёк, пошли в бане попаримся, давно в бане не мылись. (Смеется.)

— Да, — говорит, — давно я не мылся.

(Продолжает смеяться.) А сам сидит, пузо такое большое с козляточками.

— Ну, где у тебя, — говорит, — баня?

— Вон.

— Так у тебя там огонь!

А она его как шуханет, он улетит и начнет кричать:

— Кума, волоса горят! Кума, рука горит! Кума, нога горит! Кума, плечо горит! (Смеется.) И добавляет: «Папа всегда так смешно рассказывал, мы всегда смеялись» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Разобрать слова за смехом исполнительницы сложно, и неподготовленный слушатель, которым является ребенок, просто не поймет, что случилось с волком и почему «вот так ему и надо, этому волку, что он так козляточек съел» [АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва)].

Концовка сказки, хотя и более подробная, чем у предыдущего текста, теряется

в воспоминаниях об эмоциях, которые испытывались в детстве; вспоминается даже детское отношение к гибели волка: «Я думала: вот так ему и надо, этому волку, что он так козляточек съел».

Оба текста, рассказанные Марфой Федоровной, — это, безусловно, сказки из семейного репертуара, о чем свидетельствует и запись этих же сюжетов от ее детей. Однако «детские» тексты не сопряжены с эмоциональными воспоминаниями, это более или менее точная передача услышанных в детстве сюжетов, за ними не стоит память о человеке, их рассказывавшем. Для Марфы Федоровны же сказки сами по себе не имеют ценности, но они важны именно как память о человеке.

Марфа Федоровна — человек внешне малоэмоциональный, доброжелательный, но очень стеснительный, хотя, когда разговоришься с ней, становится ясно, почему муж пишет о том, что она веселая и очень энергичная женщина.

Воспоминания детства пробуждают у нее эмоции, благодаря которым она сохраняет в памяти сказки, услышанные много лет назад от ее любимого отца. Воспоминания, связанные с рассказыванием сказок, некое семейное единение, возникавшее во время ежевечерних рассказов, мастерство сказочника, присущее ее отцу, и, конечно, любовь к нему — всё это позволило ей сохранить в памяти

сказки. Эмоциональное отношение к сюжету, страх и веселье, вызываемые именно этими двумя сказками отца, видимо, и позволили не просто запомнить тексты, но и зафиксировать в памяти профессиональные приемы, присущие мастеру-сказочнику. Сказки стали своеобразным механизмом рефлексии, позволяющим вспомнить прошлое, традиции семьи,

любимого отца и т. д. И несмотря на то, что эти тексты не относятся к активно задействованному жанру в репертуаре Марфы Федоровны, она может не просто передать сюжет, но и исполнить их очень артистично, сохраняя детали и приемы, которые, скорее всего, использовал ее отец, рассказывая по вечерам сказки своим маленьким дочерям.

Литература

Белова, Кабакова 2014 — У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. О. В. Белова, Г. И. Кабакова. М., 2014.

Ведерникова 1998 — *Ведерникова Н. М.* Народная проза Москвы и Московской области // Сказки и несказочная проза. М., 1998. С. 7–27. (Фольклорные сокровища Московской земли; Т. 3).

Власова, Жекулина 2001 — *Власова М. Н., Жекулина В. И.* Традиционный фольклор Новгородской области // Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999. СПб., 2001. С. 5–21. (Памятники русского фольклора).

Добровольская 2008 — *Добровольская В. Е.* Клавдия Павловна Зеленова: исполнитель и комментатор фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сб. науч. ст. М., 2008. С. 149–161.

Добровольская 2015 — *Добровольская В. Е.* Сказчица А. И. Садовникова (Тверская область, Западнодвинский район) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России. М., 2015. С. 57–69.

Добровольская 2015а — *Добровольская В. Е.* История фиксации сказки «Жена ужа» (425 М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 90–99.

Добровольская 2015б — *Добровольская В. Е.* Сказка «Про раков» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» в контексте русских сказок СУС-425 М // Вятский родник: Сб. фольклорных и краеведческих матер. Киров, 2015. С. 26–31.

Добровольская 2016 — *Добровольская В. Е.* Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425 М) // Традиционная культура народов Поволжья: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (9–11 февраля 2016 г.): В 2 ч. Ч. 1 (А — К). Казань, 2016. С. 217–225.

Добровольская 2016а — *Добровольская В. Е.* Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425 М) в контексте русской сказочной

традиции // Афанасьевский сборник. Воронеж, 2016. С. 3–16.

Добровольская 2017а — *Добровольская В. Е.* Сказка «Жена ужа»: жанровая атрибуция, персонажная система и литературное влияние // Сборник памяти Ю. И. Смирнова. М., 2017. (В печати).

Добровольская 2017б — *Добровольская В. Е.* Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425 М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. М., 2017. С. 202–220.

Зайцев 2015 — *Зайцев Д. Т.* Повесть и жизнь Даниила Терентьевича Зайцева: [невероятная одиссея русских старообрядцев в XX–XXI вв.] / Предисл., коммент., словарь О. Ровновой; Предисл. П. Алешковского. М., 2015.

Кербелите 2005 — *Кербелите Б.* Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М., 2005.

Костюхин 1997 — *Костюхин Е. А.* Сказки, которые плохо кончаются // Живая старина. 1997. № 4. С. 15–18.

Никифоров 1930 — *Никифоров А.* <И>. Сказка, ее бытование и носители // Русские народные сказки / Сост. О. И. Капица. М.; Л., 1930. С. 7–55.

Померанцева 1988 — *Померанцева Э. В.* К вопросу о современных судьбах русской традиционной сказки // Померанцева Э. В. Писатели и сказочники. М., 1988. С. 228–255.

Рафаева 2005 — *Рафаева А. В.* Некоторые возможности компьютерного анализа фольклорных указателей // Проблемы компьютерной лингвистики. Вып. 2. / Под ред. А. А. Кретова. Воронеж, 2005. С. 154–168.

Самоделова 2013 — *Самоделова Е. А.* Сказки и сказочники Центральной России в конце XX — начале XXI века: наблюдение-исследование. Т. 2. Рязань, 2013. (Рязанский этнографический вестник, № 51).

Сокращения

АЦРФ. Коллекция 2015 (29.08, Москва) — Архив Государственного республиканского центра русского фольклора

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, заведующая отделом научных исследований Государственного центра русского фольклора Центра культурных стратегий и проектного управления (Роскультпроект) Министерства культуры Российской Федерации: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6; тел.: +7 (499) 245-22-05; e-mail: dobrovol'ska@inbox.ru

“OUR DAD HAS TOLD US...”: FAIRY TALES IN REPERTOIRE OF MARTHA ZAYTSEVA FROM SANTA CRUZ FAZENDA

VARVARA DOBROVOL'SKAYA

(State Center of Russian Folklore ROSKUL'TPROEKT of the Ministry of Culture of the Russian Federation: 6, Turchaninov side-str., Moscow, 119034, Russian Federation)

Summary. *Materials recorded during recent years allow to suggest existence of a group of people for whom a fairy tale's text has become an instrument for reflection about the past of own family, the role of tradition in human life and society, and in some cases — to establish relationship with the homeland. The article deals with the role of stories in the repertoire of Martha Fedorovna Zaytseva from community of Old-Believers “with chapels”. Currently, she, her husband, many children and grandchildren live in Argentina. She learned tales from her father, but she does not tell them to minor children, and they are not involved in her active repertoire. While telling a tale to a collector she does not recount them so much, but rather talks about her own reactions and attitudes to the fabulous texts heard by her from her father in childhood.*

Emotional attitude to the plot, fear and joy, which were caused by very these two fairy tales, told by the woman's father, apparently, made it possible not just to memorize the texts but to capture into own memory professional techniques inherent for master of telling of fairy tales. Tales have become a kind of reflection mechanism that allows to recall the past, the family tradition, beloved father, etc. Martha Fedorovna can not only tell the story but also perform it very artistically retaining details and techniques that most likely have been used by her father while telling tales in the evening to his daughters.

Key words: *Old-Believers, tale, storyteller, family traditions.*

References

Belova O. V., Kabakova G. I. (comp.) (2014) *U istokov mira: Russkie etnologicheskie skazki i legendy* [At the origins of the world: Russian etiological tales and legends]. Moscow. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2015) *Istoriya fiksatsii skazki “Zhena uzha” (425 M) u russkikh* [History of recording of folk-tale “Wife of the Grass-Snake” (425 M) among Russians]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2015. No. 4 (60). Pp. 90–99. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2008) *Klavdiya Pavlovna Zelenova: ispolnitel' i kommentator fol'klora* [Claudia P. Zelenova: performer and commentator of folklore]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and contemporary world]. Coll. papers. Issue 11. *Personality in folklore: artist, master, collector, researcher.* Moscow. Pp. 149–161. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2016) *Povolzhskie varianty skazki “Zhena uzha” (SUS 425 M)* [Volga variants of the folk-tale “Wife of the Grass-Snake” (SUS 425 M)]. *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya* [Traditional culture of the peoples of Volga the river's basin]. Materials of the 3rd All-Russian sch.-pract. conference with int. participation (the 9th — the 11th of February, 2016). In 2 parts. Part 1 (A — K). Kazan'. Pp. 217–225. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2015) *Skazka “Pro rakov” iz sbornika D.K. Zelenina “Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii” v kontekste russkikh skazok SUS-425 M* [Folk-tale “About crayfishes” from D.K. Zelenin's collection “Russian tales of Vyatka province” in the context of Russian fairy tales SUS-425 M]. *Vyatskiy rodnik. Sb. fol'klornykh i kraevedcheskikh mater.* [Vyatka spring-well. Coll. of material on folklore and local studies]. Kirov. Pp. 26–31. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (in print) Skazka "Zhena uzha": zhanrovaya atributsiya, personazhnaya sistema i literaturnoe vliyanie [Folk-tale "Wife of the Grass-Snake": genre attribution, characters and literature influence]. *Sbornik pamyati Yu. I. Smirnova* [Coll. of works in memoriam of Yu. I. Smirnov]. Moscow. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2016) Skazochnitsa A. I. Sadovnikova (Tverskaya oblast', Zapadnodvinskiy rayon) [Storyteller of fairy tales A. I. Sadovnikova (Tver' region, Zapadnodvinskiy District)]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and contemporary world]. Coll. papers. Issue 17. Folklore tradition in multicultural regions of Russia. Moscow. Pp. 57–69. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2017) Tverskie skazki ob uzhovoy neveste (SUS 425 M) v kontekste obshherusskoy skazochnoy traditsii [Tver' tales about snake's bride (SUS 425 M) in the context of the all-Russian fairy tale tradition]. *Fol'klor Bol'shoy Volgi: sb. nauch. st.* [Folklore of the Great Volga: coll. papers]. Moscow. Pp. 203–22. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2016) Voronezhskie varianty skazki «Zhena uzha» (SUS 425 M) v kontekste russkoy skazochnoy traditsii [Voronezh variants of the folk-tale "Wife of the Grass-Snake" (SUS 425 M) in the context of Russian folk-tale tradition]. *Afanashevskiy sbornik* [Afanashev collection]. Voronezh. Pp. 3–16. In Russian.

Kerbelite B. (2005) Tipy narodnykh skazok: Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh narodnykh skazok [Types of folk-tales: Structural-semantic classification of Lithuanian folk-tales]. Moscow. In Russian.

Kostyukhin E. A. (1997) Skazki, kotorye plokho konchayutsya [Tales with bad end]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. Moscow. 1997. No. 4. Pp. 15–18.

Nikiforov A. <I>. (1930) Skazka, ee bytovanie i nositeli [Tale, its existence and bearers]. *Russkie narodnye skazki* [Russian folk-tales]. Moscow; Leningrad. Pp. 7–55. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1988) K voprosu o sovremennykh sud'bakh russkoy traditsionnoy skazki [On the question of the contemporary fate of Russian traditional fairy tales]. *Pisateli i skazochniki* [Writers and storytellers]. Moscow. Pp. 228–255. In Russian.

Rafaeva A. V. (2005) Nekotorye vozmozhnosti komp'yuternogo analiza fol'klornykh ukazateley [Some possibilities of the computer analysis of folklore indexes]. *Problemy komp'yuternoy lingvistiky* [Problems of computational linguistics]. 2005. Issue 2. Voronezh. Pp. 154–168. In Russian.

Samodelova E. A. (2013) Skazki i skazochniki Tsentral'noy Rossii v kontse XX — nachale XXI veka: nablyudenie-issledovanie [Tales and storytellers of Central Russia in the end of 20th — beginning of the 21st centuries: observation and studies]. *Ryazanskij etnograficheskiy vestnik* [Ryazan' ethnographic herald]. 2013. Vol. 2. Ryazan'. Pp. ?–?. In Russian.

Vedernikova N. M. (1998) Narodnaya proza Moskvy i Moskovskoy oblasti. Skazki i neskazochnaya proza [Folk prose of Moscow and Moscow region. Folk-tales and believe-narratives]. *Fol'klornye sokrovishcha Moskovskoy zemli* [Folk treasures of the Moscow land]. 1998. Vol. 3. Moscow. Pp. 7–27. In Russian.

Vlasova M. N., Zhekulina V. I. (eds.) (2001) Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti [Traditional folklore of Novgorod region]. *Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti. Skazki. Legendy. Predaniya. Bylichki. Zagovory. Po zapisyam 1963–1999* [Traditional folklore of Novgorod region: Tales. Legends. Memorates. Spells. According to records of 1963–1999]. St. Petersburg. Pp. 5–21. In Russian.

Zaytsev D. T. (2015) Povest' i zhitie Danily Terentevicha Zaytseva: neveroyatnaya odisseya russkikh staroobryadtsev v XX—XXI vv. [Story and life of Daniel Terentyevich Zaytsev: incredible odyssey of Russian Old-Believers in the 20th — the 21st centuries]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: dobrovol'ska@inbox.ru

Tel.: +7 (499) 245-22-05

6, Turchaninov side-str., Moscow, 119034, Russian Federation

PhD (Philology), head of the research department, State Center of Russian Folklore, Center of Culture Strategies and Project Management (Roskul'turproekt), Ministry of Culture of the Russian Federation
